

Ленивый солдат, привыкший к разгильдяйству, спросил:

— Генерал, почему наказание на десять ударов больше, чем предусмотрено военными правилами?

Хо Линьфэн подошел к говорившему и, взмахнув запястьем, бросил камень. Тотчас же раздался крик боли. Он выбил у солдата зуб и сказал:

— Новый начальник должен показать свою власть.

Ранним утром в лагере Сицяньлин раздавались крики боли, привлекающие внимание прохожих.

А на востоке, в семи-восьми ли оттуда, во Дворце Буфань царила тишина. Больше не было слышно криков Ду Чжуна, тренирующего учеников.

В Безымянной обители за ночь дождь наполнил большой сосуд до краев, и бутоны лотоса уже раскрылись. Жун Лоюнь проснулся после долгого сна, и все его эмоции, казалось, улеглись в глубине души. Ему стало немного легче.

Он сел на кровати, и вдруг в голове возникло имя «Ду Чжун».

Он умылся, переоделся, и перед глазами возникло лицо Ду Чжуна.

Он завязал волосы и надел головной убор, и вчерашние события снова нахлынули на него!

Небо прояснилось, дождевая вода испарилась без следа, но раны, нанесенные тем человеком, не зажили. Он не поправился, ни на йоту. Он все еще был полон гнева, негодования и глубокой печали!

Жун Лоюнь вернулся к кровати, смял мягкое одеяло и, наклонившись, легонько потянул. Шелковая подушка покатилась, но его взгляд застыл на маленькой записке, лежащей под ней.

Теплые и радостные чувства превратились в холод и одиночество, сладость и кислота стали горькими. Каждое прочитанное слово сжимало его сердце. Он прятал эту записку под подушкой и каждый день тайком смотрел на нее, но теперь не знал, были ли эти слова искренними или просто ложью.

— Мне это больше не нужно, — прошептал он, а затем громко сказал:

— Мне это больше не нужно!

Боль, сдерживаемая весь день и ночь, наконец вырвалась наружу. Жун Лоюнь выхватил длинный меч и разрубил воздушного змея «Ласточка» на куски. Затем он выбежал из зала и одним ударом разрубил бамбуковый ручной фонарь. Шум спугнул сороку, улетевшую из гнезда.

— Мне ничего больше не нужно... Мне ничего больше не нужно... — бормотал он, выбегая во двор и размахивая мечом. Большой сосуд, наполненный водой, мгновенно разлетелся на куски, красные карпы бились среди осколков, а лотос превратился в грязь.

Жун Лоюнь с мечом в руке выбежал из двора и направился в Зал тысячи механизмов, напрямиком в Бамбуковый сад.

Люди ушли, здания опустели, зачем осталась только магнолия?

Он срубил магнолию за несколько ударов, развернулся и, прыгнув, направился к воротам дворца.

В лагере царила суэта: солдаты выпальвали сорняки, мыли флаги, убрали плац. Никто не смел лениться. Хо Линьфэн в своей палатке занимался военными делами, перед ним громоздилась гора документов.

Через полчаса снаружи раздался шум.

— Генерал! — вбежал солдат. — Генерал, из Дворца Буфань пришли, чтобы устроить скандал!

Хо Линьфэн резко встал:

— Кто это?

Солдат ответил:

— Жун Лоюнь, это Жун Лоюнь!

Сердце Хо Линьфэна сжалось. Жун Лоюнь пришел. Может быть, он простил его? Он поспешно вышел из палатки, нервно направляясь к выходу, но у самого входа внезапно остановился.

Холод коснулся его шеи — это был меч, прижатый к коже.

В двух шагах от него стоял Жун Лоюнь с мечом в руке, холодный, как лед.

Острие меча касалось горла, и Хо Линьфэн шаг за шагом отступал в палатку.

— Убей, изувечь, лишь бы ты успокоился, — хриплым голосом сказал он, не отрывая взгляда от Жун Лоюня. — Дай мне еще один шанс, хорошо?

Жун Лоюнь сказал:

— Верни мне платок.

Сердце Хо Линьфэна разрывалось:

— Ты обещал, что никогда не потребуешь его обратно, что бы ни случилось.

Жун Лоюнь повторил:

— Верни мне платок!

Хо Линьфэн не хотел этого делать и стоял неподвижно, готовый принять любое наказание. Жун Лоюнь холодно усмехнулся:

— Ты думаешь, я не решусь тебя ранить?

Он закусил губу, и его глаза вспыхнули холодным светом. Он вонзил меч в правое плечо Хо Линьфэна!

Быстро и без колебаний, решительно и без жалости.

Хо Линьфэн сдержал стон и спросил:

— Ты успокоился?

Жун Лоюнь смотрел на него, а он снова спросил:

— Прости меня, хорошо?

Глаза Жун Лоюня покраснели, и он снова спросил:

— Дай мне еще один шанс, хорошо?

Ответа не последовало, только острая боль в плече. Хо Линьфэн протянул руку:

— Ты просишь вернуть платок, а что ты мне вернешь?

Жун Лоюнь посмотрел на него:

— Мне нечего тебе возвращать. Все, что ты мне дал, я уничтожил.

Он перечислил, но с жестокостью в голосе:

— Воздушный змей, фонарь, красные карпы, лотос — мне ничего из этого не нужно.

Он вытащил что-то — это была та самая записка.

Хо Линьфэн испугался:

— Нет!

Но Жун Лоюнь сжал записку, превратив ее в мелкие кусочки, и легонько подбросил их в воздух. Слова и фразы медленно падали вниз. Жун Лоюнь сказал:

— Все кончено. Все вернул тебе.

С этими словами он резко вытащил меч, и из раны хлынула кровь.

Хо Линьфэн, шатаясь от боли, бросился к нему и крепко обнял.

Жун Лоюнь сказал:

— У генерала Хо много старых шрамов, и этот — от меня, Жун Лоюня.

Хо Линьфэн ответил:

— Все старые шрамы приносят боль, но этот — сладок до бесконечности.

Меч упал на землю, и Жун Лоюнь наконец заплакал.

Рана была глубокой и тяжелой, кровь не останавливалась. Вскоре правая рука Хо Линьфэна онемела, и его правая рука, обнимающая Жун Лоюня, медленно опустилась.

Он дрожал от боли:

— Я больше не могу тебя держать.

Их тела были прижаты друг к другу, кровь пропитала тонкую ткань, и в воздухе витал сильный запах крови. Жун Лоюнь замер, он не смел двигаться, не смел оттолкнуть его, только тихо приказал:

— Отпусти меня.

Хо Линьфэн не обратил на это внимания, его правая рука опустилась, и он изо всех сил обнял Жун Лоюня левой рукой. Его ладонь беспокойно скользила по талии Жун Лоюня, поднимаясь вверх, ощупывая слегка выступающий позвоночник через одежду, до спины и плеч, пока не достигла длинной шеи.

Он массировал ее, сжимал, издавая звуки, похожие на рычание загнанного зверя.

Его тонкие губы прикоснулись к виску Жун Лоюня, и низкий, хриплый голос проник в его уши. В этот момент Жун Лоюнь потерял сознание. Ду Чжун когда-то поступал так же, используя руки и губы, наполненные любовью.

— Ду Чжун... — Он с силой оттолкнул Хо Линьфэна и пробормотал:

— Ты больше не он, ты больше не он.

Эти слова были более жестокими, чем удар мечом. Лицо Хо Линьфэна стало бледным, и пот катился градом по его лбу:

— Ду Чжун — это я, и сейчас я — это я.

Глаза Жун Лоюня покраснели, и он не мог сдержать слез. Он не мог перестать думать, что эта поза мольбы и прощения была все еще частью его разведки? Однажды укушенный змеей, он боялся этого ранящего негодяя.

Он больше не мог доверять, он больше не мог быть обманутым.

Подняв меч, Жун Лоюнь отступил и сказал:

— Мне больше не нужен платок. Выбрось его или оставь, генерал Хо, решай сам.

С этими словами он развернулся и выбежал из палатки, исчезнув в мгновение ока.

Хо Линьфэн, преодолевая боль, бросился за ним, но увидел только облака на горизонте.

Когда-то он мечтал найти человека, который бы прижался к его груди и назвал его «генералом». Теперь он нашел его, обнял его, но слова «генерал Хо» звучали как пощечины.

Он стоял в одиночестве некоторое время, затем, подавленно, вернулся в палатку. Хо Линьфэн смотрел на разорванные кусочки записки, разбросанные по полу. Он медленно присел и начал собирать их, собирая в руке разрозненные слова.

Тишина больше не была тишиной, тайна больше не была тайной.

Его глаза затуманились, и он действительно почувствовал себя шатким.

Он опустился в кресло, снял половину одежды, чтобы обработать рану. В этот момент вошел командир Ху Фэн и с заботой спросил:

— Генерал, как ваши раны?

Хо Линьфэн с усилием остановил кровь:

— Ничего серьезного.

Ху Фэн колебался, затем сделал шаг вперед:

— Докладываю, генерал, люди из Дворца Буфань действительно наглеют и уже много лет унижают наших братьев.

Хо Линьфэн кивнул, даже не подняв глаз. Ху Фэн, видя это, сложил руки в жесте просьбы и сказал:

— Генерал, этот Жун может издеваться над нами, но осмелился бросить вызов вам. Его ни в коем случае нельзя прощать.

Хо Линьфэн, посыпая рану порошком, равнодушно спросил:

— Он бросил мне вызов, а вам какое дело?

Ху Фэн растерялся, и Хо Линьфэн поднял глаза:

— Не прощать его? Я сам пойду молиться, чтобы он меня простил.

Ху Фэн был в полном недоумении:

— Я глуп, но буду следовать вашим приказам.

И тогда Хо Линьфэн отдал приказ:

— Если Жун Лоюнь снова придет, никто не должен его останавливать, а наоборот, проведите его в мою палатку. Если он будет ругаться, не отвечайте. Если он будет бить, пусть тот, кто не боится смерти, ответит ему, но я не осмелюсь.

Ху Фэн был в шоке:

— Это...

— Это называется «военный приказ, твердый как гора». Если понял, иди тренируйся. Если не понял, получи тридцать ударов палкой.

Хо Линьфэн снова опустил глаза. Кровь временно остановилась, и он осторожно поправил одежду.

Этот удар мечом попал не в плечо, а прямо в его сердце.

Жун Лоюнь продолжал повторять имя «Ду Чжун», и все его горячие чувства были отданы этому вымышленному человеку. Он чувствовал себя все более виноватым, но, помимо этого, в нем появилось чувство стыдной ревности.

Даже если «Ду Чжун» был им самим, он не мог не завидовать.

Потому что Жун Лоюнь хотел того, кто был фальшивкой, а не его, Хо Линьфэна.

<http://bllate.org/book/16167/1449397>